

РАДЕТЕЛИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

А.И. Овчаренко

Есть в нашей великой литературе имена, которые славны истинным подвижничеством во имя родной земли. Таковы имена прозаика Владимира ЧИВИЛИХИНА и поэта Василия ФЁДОРОВА, чьи памятные даты отмечаются в эти дни. В нынешнем году 7 марта исполнилось бы 80 лет Владимиру Алексеевичу Чивилихину, а 23 февраля – 90 лет Василию Дмитриевичу Фёдорову, которых роднит и соединяет не только большой талант, но и высочайшая гражданственность, страстный патриотизм. Собственно, этой теме в основном и было посвящено слово профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Александра Ивановича ОВЧАРЕНКО, произнесенное на вечере памяти В.А. Чивилихина в Доме Союзов в 1988 году. Публикуем его с небольшими сокращениями.

За мою, теперь уже можно сказать, не короткую жизнь довелось мне видеть, наблюдать много далеко не ординарных людей в городах и всях нашей страны и за ее пределами, разговаривать с некоторыми из них, даже спорить. Видел я маршала Жукова, академика Королева, разговаривал с Фадеевым, Фединым, Леоновым. На себе ощущал силу немногословия и молчания Шолохова... Время, сжимаясь от приближающейся старости, соединяет воображением виденных в разное время людей, и видишь вдруг свет и больших, и малых книг в неповторимом толпеже. И в нем, этом причудливом толпеже, не теряют почти физической осязаемости два чалдона, два красивых человека, похожих на профессоров, - Василий Фёдоров и Владимир Чивилихин.

Да, они были профессорами народных забот, живя всеми радостями и горестями своего народа. Они не были ровесниками. Разница в их возрасте исчислялась десятью годами и 13 днями. Но и в отношениях друг с другом, и в общении с окружающими они выступали всегда как ровесники и как единомышленники. Они начали литературную деятельность с того, что попытались раскрыть самую душу современника, опаленного пламенем революции. Они были выходцами из рабочих, были частью рабочего класса. И оттого так органично в стихах, поэмах одного, в повестях другого соединяется лирическая отзывчивость на тончайшие вибрации человеческой души с упругостью металла, когда речь заходит о святынях и твердынях, которые сдавать нельзя...

В центре внимания того и другого - современник с его свершениями, радостями, горестями, стремлениями и надеждами, очень часто не исполнившимися надеждами. Вместе со своим современником они подвергались в середине века яростным атакам и сегодня подвергаются со всех сторон. Вместе с его заботами они соединяли собственные заботы, и как

единое целое эти заботы оказывались самыми жгучими заботами всего нашего народа. Расцвет таланта Василия Фёдорова и Владимира Чивилихина пришелся на время, ныне характеризующее обжигающим как удар бича словом «застой». Но как раз в тот период они не молчали, не хитрили, хотя их произведения пробивались к народу с колоссальными потерями...

Владимир Чивилихин развернул перед всеми картину вопиющего бесхозяйственного отношения к самому великому богатству нашей земли - к ее плодородному слою, богатствам ее лесов, недр, морей.

Напомню также об удивительной синхронности дум Василия Фёдорова, который, взбудораженный теми же заботами, что обуревали Владимира Чивилихина, пятью годами раньше, попрекая все человечество в безрассудном истреблении природы и упрекая нас с вами, писал в стихотворении «Пророчество»: «Земли не вечна благодать./Когда далекого потомка/ты пустишь по миру с котомкой,/ ей будет нечего подать».

За очерк «Земля в беде» автор, Владимир Алексеевич Чивилихин, получил самую высокую награду, которую можно получить в этом мире. Он был облакан самыми крупными русскими писателями, достойно продолжавшими величайшие традиции русской литературы XIX века, - Леонидом Леоновым и Михаилом Шолоховым, уже никогда не выпускавшими после этого его из поля своего зрения... Одержимый заботой о своем современнике, тем, чтобы в эпоху беспримерных черных бурь и сокрушающих ураганов он, наш современный советский человек, надежда и опора всего человечества в борьбе с ядерной, экологической и другими угрозами, устоял, не сломался, писатель раньше других понял, что ураганы бессильны лишь перед тем, что имеет мощные и глубокие корни. И погрузился в вековые пласты истории русского народа, попытался заглянуть в самый корень, наш с вами корень. Так родилась книга «Память». Она принесла автору всемирную славу. Но стоила ему преждевременной смерти.

У гроба писателя я назвал «Память» книгой не столько о нашей памяти, сколько о нашем с вами беспамятстве. Но никакая другая книга, никакое другое произведение последних десятилетий не способствовали так обновлению, пробуждению, становлению исторического самосознания русского народа, как этот роман-эссе. И ни один не нанес такого сокрушительного удара по беспамятству людей, какое нанес роман-эссе «Память». Роман-эссе Владимира Чивилихина возвращает русскому народу главнейшую из его святынь - его историю. Произведение это о прошлом, трагическом прошлом русского народа, но написано оно для нашего современника. В сущности, он, наш современник, является главным героем, зримо, а чаще незримо присутствуя на каждой странице романа. Чивилихин любил свою землю. Любил ее поля, леса... Он любил ее историю, он любил

ее будущее. Он и в историю ушел ради этого будущего, ради того, чтобы в этом будущем его народ занимал достойное место. Но больше всего Владимир Чивилихин любил людей-тружеников, людей-работников, веря в безграничную талантливость их, он искал таланты и находил их. Так же, как Сергей Викулов сказал первое вдохновляющее слово о Василии Белове, прозаике, а Всеволод Кочетов – о первых рассказах Василия Шукшина, автор «Памяти» по первым рассказам, прочитанным в рукописях, разглядел талант Валентина Распутина. Напечатал их в Москве и очень сердился, когда мы, в то время члены приемной комиссии СП Российской Федерации, без особого восторга говорили об авторе сборников «Костровые новых городов» и «Край возле самого неба».

Среди всех людей, с которыми сводила меня жизнь, не было более азартных, более упрямых и более эрудированных спорщиков, чем Василий Фёдоров и Владимир Чивилихин. Они не шли ни на какие компромиссы, когда дело касалось истины, а Владимир Чивилихин еще и до глубины души оскорблялся, если кому-либо удавалось загонять его в угол, заявлял, что больше не желает знаться, расплевывался навсегда. Сердился день, неделю, месяц, но искатель истины пересиливал свое самолюбие ради главной цели. И возгорались снова споры, а с ними и дружба. И вот его нет. И друга его Василия Фёдорова тоже нет. Ушли один за другим. В моем воображении они, осеняемые Михаилом Шолоховым и Леонидом Леоновым, стоят как живые, настоящие писатели, писатели истины, чалдоны, так они в один голос называли себя в нашу последнюю встречу втроем...

Заканчивая свое слово, я вижу, как нелегко смотрит мне и вам в глаза Владимир Чивилихин, смотрит не моргая. Он не любил моего прищура, однажды мы даже поссорились из-за этого. Удивительно прямо сам он смотрел всем и каждому в глаза, смотрел своими чистыми глазами и говорил всегда и со всеми прямо и только начистоту. То были прямота и чистота принципиальности. Под пристальным прицелом этих глаз в особенности остро, с горечью замечаешь, как многим из нас, занятых перестройкой, сегодня недостает либо прямоты, либо чистоты.

Василий ФЁДОРОВ

Владимир ЧИВИЛИХИН

Велик твой путь
И ноша нелегка,
Дробится камень под твоей стопою.
Мне кажется,
Что прожил я века,
И все живу,
И все иду с тобою...
Дробится камень под твоей стопой...
И пусть не первым,
Пусть не самым лучшим,
Я был с тобой
В твоём давно минувшем,
Дай и в грядущем
Мне побыть с тобой.

Василий ФЁДОРОВ